

ПОЗДНИЕ ПЕТЕРБУРЖЦЫ

**Борис
ГРЕБЕНЩИКОВ**

Пески Петербурга

Ты — животное лучше любых
 Я — лишь дождь на твоём пути.
 Золотые драконы в лесах твоих,
 От которых мне не уйти.
 И отмеченный светом твоих зрачков
 Не сумеет замкнуть свой круг,
 Но пески Петербурга заносят нас
 И следы наших древних рук.

Ты могла бы быть луком, но кто
 Если каждый не лучше всех?
 Здесь забыто искусство спускать
 И ложиться лицом на снег.
 И порою твой взгляд нестерпим
 А порою он — как зола.
 Но пески Петербурга заносят нас
 Всех по эту сторону стекла.

Ты спросила нас: «Кто?»
 — я ответил: «Я», —
 Не считая еще это за честь.
 Ты спросила: «Куда?»
 — я сказал: «С тобой,
 Если там еще что-нибудь есть».
 Ты спросила: «А если?» —
 и я промолчал,
 Уповаю на чей-нибудь дом.
 Ты сказала: «Я лгу» — я сказал:
 «Пускай.
 Тем приятнее будет вдвоем».

И когда был разорван занавес дня,
 Наши кони пустились в плас
 По заре, по воде и среди огня,
 Окончательно бросив нас.
 Потому что твой взгляд —
 как мои слова —
 Ненадежнее, чем вода.
 И спросили меня: «А жив ли ты?» —
 Я сказал: «Если с ней, то да».

КНИГА В ГАЗЕТЕ

ЛИНИЯ ОТРЕЗА

Творчество знаменитого рок-барда Гребенщикова — значительный и для многих судьбоносный пласт питерской, да и не только питерской культуры. Однако если рассматривать тексты в отрыве от музыки и обаяния автора-исполнителя, они окажутся неравноценны, порой весьма уязвимы и беззащитны перед произволом публикатора. Я мог бы, например, задавшись такой целью, выпатить нарциссизм Гребенщикова, подчеркнуть косноязычие на грани безвкусия кое-каких его сочинений. А мог бы подобрать только такие стихи, чтобы их автор предстал «кондиционным» участником рубрики, столь же respectableм и рафинированным, как, скажем, Бобышев. Материала и оснований хватало бы на любой вариант. Но это было бы не всей правдой, а следовательно неправдой.

Рассматривая творчество Б. Г. как важный феномен и неотъемлемую часть петербургской поэзии, я решил не отделять пшеницу от плевел, не просеивать тексты в поисках шедевров, равно как и не тыкать пальцем в строфы и строки, без музыки «не смотрящиеся». Потому что в сочетании и переплетении высокого лиризма и почти лебядиного бормотания видится мне не только оригинальность Гребенщикова, но и важная составляющая его популярности. Будучи превосходным версификатором, он умеет пожертвовать смыслом ради эмоции. Выразить переживания в языке, но на дразняковом и, скорее, подсознательном уровне. И расцветить это почти бессвязное «автоматическое письмо» (в такой технике писали французские сюрреалисты) афористическими по форме и гипнотическими по природе воздействия повторами и призывами. Примерно так мыслит или, верней, хочет мыслить не заискивающий в своей скорлупе, выламывающийся из ориентированного на поиски житейского благополучия раба человек, юноша — и на этом, строго говоря, во многом держится рок-культура: поток сознания, каша словесной и бессловесной шелухи, этаякая «соломка» — и вдруг взрыв, мысль, чеканная фраза, четкая воля к действию. Музыка только усиливает то, что уже заложено в самом тексте.

Связано это и с социальным контекстом контркультуры, что дополнительно сближает нашего героя с другими «поздними петербуржцами». Здесь же уместно упомянуть и постоянные поиски собратьев по духу во времени и в пространстве переключку эпох и стилей. Как только противостояние и противопоставление двух культур снимается, пропадает цель творчества, обесмысливается и само творчество. Вот почему, наверное, Гребенщикову так трудно дается испытание официальным признанием.

Виктор ТОПОРОВ

Смена - Санкт-Петербург - 1992 - 25 апр.